

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/YRPICV>
УДК 82.0 + 821.131.1.0
ББК 83 + 83.3(4Ита)

ИЗДАНИЯ “RIME” ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ: МЕЖДУ ФИЛОЛОГИЕЙ И ГЕРМЕНЕВТИКОЙ

© 2026 г. Е.Н. Стародумова

*Астраханский государственный университет,
Астрахань, Россия*

Дата поступления статьи: 25 апреля 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 26 мая 2025 г.

Дата публикации: 25 июня 2026 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-2-364-381>

Аннотация: Статья посвящена обсуждению спорных моментов в издательских принципах лирики (*rime*) Данте Алигьери в XX–XXI вв. и роли, которую играет герменевтика в изданиях, декларирующих себя строго филологическими. Любое комментированное научное издание несет отпечаток личности составителя, его филологической идеологии, груза национальной научной традиции. Автор статьи приходит к выводу, что для итальянских изданий дантовской лирики в последние десятилетия характерна тенденция к филологическому позитивизму, выражающемуся в отказе от «ненадежной» герменевтики в пользу «позитивного» филологического «факта». На фоне консерватизма итальянцев бросается в глаза экспериментальный и новаторский характер подхода к *rime* американской исследовательницы Теодолинды Баролини. В своем комментированном издании «Данте Алигьери. Юношеская поэзия и поэзия “Новой Жизни”» Баролини предложила идущее вразрез с принятым в итальянском дантоведении определение того, что должен включать в себя корпус лирики Данте. Более того, пересмотр канона *rime* она сопровождала новаторской трактовкой поэтической эволюции Данте в 1283–1293 гг.

Ключевые слова: “Rime” Данте Алигьери, Теодолинда Баролини, Марко Гримальди, Доменико Де Робертис, принципы издания, филологическая критика

Информация об авторе: Елена Николаевна Стародумова — PhD, доцент, кафедра романо-германской филологии, Астраханский государственный университет, ул. Татищева, д. 20А, 121069 г. Астрахань, Россия.
<https://orcid.org/0000-0002-3327-1021>

E-mail: el.starodumova@gmail.com

Для цитирования: Стародумова Е.Н. Издания “Rime” Данте Алигьери: между филологией и герменевтикой // Studia Litterarum. 2026. Т. 11, № 2. С. 364–381.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-2-364-381>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 2, 2026

DANTE'S "RIME" EDITIONS: BETWEEN PHILOLOGY AND HERMENEUTICS

© 2026, Elena N. Starodumova

Astrakhan State University,

Astrakhan, Russia

Received: April 25, 2025

Approved after reviewing: May 26, 2025

Date of publication: June 25, 2026

Abstract: The article aims to consider some controversial issues in the publishing principles of Dante's *rime* in the 20th–21st centuries and underline the role played by hermeneutics in publications that declare themselves strictly philological. The author of the article proceeds from the premise that any scientific publication of *rime* bears the imprint of the personality of the editor, his philological ideology, the burden of national scientific tradition. She concludes that in recent decades, Italian scientific publications of *rime* have been characterized by a positivist bias and a tendency towards philological dogmatism. The rejection of "unreliable" hermeneutics in favor of a "positive" philological "fact" is a hallmark of all academic Italian *rime* publications in the 21st century. Against Italian conservatism, the experimental and innovative nature of the approach to *rime* of the American researcher Theodolinda Barolini is striking. In "Rime giovanili e della 'Vita Nuova'" Barolini proposed an original definition of what the body of Dante's lyrics should include. Moreover, she accompanied her revision of the *rime* canon with an innovative interpretation of Dante's poetic evolution in 1283–1293.

Keywords: Dante Alighieri's "Rime," Teodolinda Barolini, Marco Grimaldi, Domenico De Robertis, publishing principles, critical philology

Information about the author: Elena N. Starodumova, PhD in Philology, Associate Professor, Astrakhan State University, Tatishcheva St., 20A, 414056 Astrakhan, Russia.
<https://orcid.org/0000-0002-3327-1021>

E-mail: el.starodumova@gmail.com

For citation: Starodumova, E.N. "Dante's 'Rime' Editions: Between Philology and Hermeneutics." *Studia Litterarum*, vol. 11, no. 2, 2026, pp. 364–381. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-2-364-381>

Основные проблемы издания *rime*

В наследии Данте Алигьери, наверное, нет произведения более сложного с точки зрения подготовки нового издания, чем так называемые *rime*¹, или лирические стихотворения. От Микеле Барби (1921) до Джанфранко Контини (1954), от Кенельма Фостера и Патрика Бойда (1967) до Доменико Де Робертиса (2002) принципы, которыми руководствовались составители-комментаторы важнейших изданий дантовской лирики, постоянно менялись. Дискуссия о том, как издавать дантовскую лирику, все еще не закончена: достаточно сравнить новейшие комментированные издания под редакцией Д. Де Робертиса (2002), Т. Баролини (2009), К. Джунта (2011) и М. Гримальди (2015), чтобы убедиться в том, насколько они отличаются друг от друга структурно (количество стихотворений, порядок их расположения), концептуально (определение того, что входит в корпус *rime*, аналитический ракурс комментариев, примечания к текстам) и идеологически (баланс между филологией и герменевтикой).

К наиболее спорным моментам издательской политики *rime* традиционно относятся вопросы: 1) включать ли в корпус дантовской лирики поэтические компоненты «Новой Жизни» и «Пира» или рассматривать их исключительно как часть нового целого (прозиметра и трактата соответственно)²;

1 Термином *rime* (или *rime estravaganti*) обозначают стихи, создававшиеся поэтом на протяжении 25 лет (1283–1308) в качестве изолированных текстов.

2 Как известно, в 1293–1294 гг. Данте отобрал некоторые свои юношеские поэтические тексты, чтобы ввести их в повествовательную ткань «Новой Жизни», а еще позднее, в период работы над трактатом «Пир», включил в него три ранее созданные канцоны. Статус этих «повторно использованных» и (в случае некоторых стихов «Новой Жизни») переработанных текстов остается в дантоведении проблемным.

2) какой принцип расположения стихов, формальный или условно-хронологический, предпочтительнее. Из-за расхождений по первому из обозначенных пунктов число стихов в итальянских изданиях *rime* может колебаться от 54 (Дж. Контини) до 88 (М. Барби). Тем не менее общей национально-культурной особенностью итальянского дантоведения является фундаментальное определение *rime* как стихов, «которые Данте не отобрал для “Новой Жизни” и не включил в “Пир”» [11, р. 460]³. Более консервативную точку зрения в рамках указанного подхода олицетворяют Дж. Контини и К. Джунта, полностью исключившие поэтические компоненты «Новой Жизни» и «Пира» из своих изданий, а также занявший компромиссную позицию Де Робертис. Менее консервативны М. Барби и М. Гримальди, включившие поэзию «Новой Жизни» в корпус *rime* в виде отдельной рубрики («Стихи эпохи Новой Жизни»). Впрочем, рубрикация Барби – Гримальди тоже опирается на принятую в итальянском дантоведении терминологическую дихотомию *organico / estravagante*, в рамках которой термин *estravaganti* обозначает *разрозненные* стихи, не отобранные автором для *целостных*, завершенных произведений. На то, что данный термин не является нейтральным, так как постулирует превосходство *целого* и *включенного* над *фрагментарным* и *не включенным*, неоднократно указывала Т. Баролини [3; 4]. В целом именно в вопросе о том, что включать в корпус лирики, национально-культурная специфика и внутреннее единство итальянской школы дантоведения проявляются ярче всего.

Что касается порядка расположения стихов, на протяжении XX в. доминировал условно-хронологический принцип (в Италии – М. Барби, Дж. Контини, за ее пределами – К. Фостер – П. Бойд), по умолчанию предполагавший интерпретацию: поскольку даты создания большинства стихотворений неизвестны, любая попытка реконструировать хронологию оказывается конъектурой⁴. Из-за того, что составители придерживались разных позиций по вопросу о статусе лирики «Новой Жизни», а также нередко смешивали критерии (например, сочетая хронологический с жанрово-тематическим; яркий пример подобного подхода – издание Барби⁵), расположение и нумерация *rime* почти во всех перечисленных изданиях

3 Курсив мой. — Е.С.

4 О трудностях датировки стихотворений см. у М.Л. Андреева: [1, с. 314–315].

5 Названия рубрик у Барби: «Стихи Новой Жизни», «Стихи эпохи Новой Жизни», «Стихи эпохи изгнания», «Тенцоны, адресованные Форезе Донати», «Любовная и эпистолярная лирика», «Стихи к Каменной Даме».

разные, что создает серьезные неудобства. У открывающего свое издание рубрикой «Стихи Новой Жизни» М. Барби под № 1 фигурирует сонет *A ciascun'alma presa e gentil core*⁶. У Дж. Контини, не включившего лирику «Новой Жизни», и Фостера – Бойда, включивших ее вперемешку с остальными стихами, первым идет сонет *Savete giudicar vostra ragione*⁷, который у Барби располагается под № 40 (в рубрике «Стихи эпохи Новой Жизни»). Впрочем, начиная с № 6 нумерация Контини и Фойстера – Бойда тоже перестает совпадать. Но, несмотря на все методологические расхождения, издания Барби, Контини и Фостера – Бойда открываются юношескими стихами Данте, созданными ок. 1283 г. На их фоне абсолютной аномалией выглядит решение Доменико Де Робертиса открыть свое критическое издание лирики Данте заключительной канцонной цикла «Стихов к Каменной Даме»⁸, созданного, как принято считать, ок. 1296 г. Столь необычный порядок расположения стихов (*ordinamento*) объясняется отказом Де Робертиса от хронологического принципа, а также целым рядом других спорных решений, вызвавших неоднозначную реакцию специалистов.

Д. Де Робертис и позитивистский поворот в изданиях *rime*

Ожидалось, что сборник *rime*, подготовленный патриархом итальянского дантоведения Де Робертисом, работа над которым продолжалась 45 лет, займет место самого авторитетного и эталонного издания дантовской лирики, резюмирующего достижения XX в. и открывающего новые горизонты, сменив в данной роли издание М. Барби. Однако этого не случилось: подвергнув решительной ревизии «вульгату» Барби, Де Робертис так и не сумел убедить коллег-дантоведов в правильности собственных издательских принципов. Вот кратко суть предложенных им новшеств:

1. В высшей степени спорное решение отказаться от хронологического расположения стихов в пользу формально-жанрового принципа, принятого в рукописной традиции. Таким образом, вместо гипотетической истории поэтического развития Данте Де Робертис предлагает читателю историю субъективных решений первых издателей *rime*, от Боккаччо до

6 VN III. В русском переводе И. Голенищева-Кутузова *Влюбленным душам посвящу сказанье*.

7 *Передо мной достойный ум явив* (пер. Е. Солоновича).

8 *Così nel mio parlar vogli'esser aspro* (*Пусть так моя сурова будет речь*. Пер. И. Голенищева-Кутузова).

составителей Giuntina. Корпус текстов Данте открывается у него составленным Боккаччо списком из 15 так называемых «больших канцон» (*canzoni distese*), за которыми следуют канцона *Lo doloroso amor* (не фигурирует в списке Боккаччо), первый стих утерянной канцоны *Trage mi de la mente* (упоминается в «Трактате о народном красноречии»), трехязычная канцона *Ai faus ris* (у Барби фигурировала в разделе *dubia*, Де Робертис «возвращает» ее Данте) и лишь затем — сонеты и баллады. Столь искусственный и противоречивый принцип расположения составитель оправдывает утопическим желанием оставаться в рамках «материальной» филологии и воздержаться от интерпретации.

2. Новое определение корпуса лирики. По сравнению с изданием Барби 1921 г. общее количество стихов уменьшено с 88 до 79. Разница объясняется тем, что Де Робертис сначала убирает стихи «Новой Жизни» (уменьшая количество компонентов до 57), а затем возвращает 13 стихотворений, для которых удалось обнаружить редакции, отличные от редакции прозиметра, плюс сонет *A ciascun'alma presa* (получает 71). Наконец, он возвращает Данте 8 стихотворений, авторство которых ранее считалось недоказанным (получает 79). Абсурдность подобного *modus operandi* становится очевидна при взгляде на оглавление, в котором фигурируют «возвращенная» Данте трехязычная канцона *Ai faus ris* и утерянная канцона *Traggemi de la mente*, но из-за того, что Боккаччо не включил в перечень «больших канцон» канцоны «Новой Жизни» (более ранние редакции которых обнаружить не удалось), отсутствует программный текст прозиметра *Donne ch'avete intelletto d'amore*, принадлежность которого перу Данте никогда ни у кого не вызывала сомнений. Другими словами, решение включать или не включать в корпус лирики Данте стихи «Новой Жизни» составитель ставит в прямую зависимость от превратностей распространения и сохранения ранних рукописных вариантов. По словам Т. Баролини, Де Робертис «довел свои филологические принципы до такой крайности, что достиг своего рода герменевтического материализма» [4, р. 255]. А именно:

Де Робертис предлагает для *rime* герменевтический шаблон, который поднимает непредвиденные обстоятельства материальной истории — того, что было потеряно и что было сохранено, — до статуса более важного принципа, чем реальность того, что Данте действительно создал. Быть одним из

существующих текстов Данте, таким образом, больше не является достаточным условием для включения в издание текстов Данте [2, p. 256].

Однако возведенный в абсолют и узко трактуемый филологический подход (опора на «материальные свидетельства» рукописной традиции), который Де Робертис противопоставляет «ненадежной» герменевтике, сам опирается на аргументы плохой герменевтики: стремление представить «филологию» и «герменевтику» в качестве двух взаимопротивоположных полюсов очевидно искусственно и представляет собой ложную посылку. Де Робертис усугубляет ее серией других, не менее тенденциозных (наличие более ранних версий как критерий для включения стихотворения в корпус лирики; авторитетность *ordinamento* рукописных кодексов; «каноничность» боккаччиевского списка «больших канцон», и т. д.).

Уже можно констатировать, что предпринятая Де Робертисом попытка критического пересмотра сформировавшихся в XX в. принципов издания дантовской лирики не удалась. Несмотря на заявления о том, что «преимущественно “хронологический” порядок Барби и “филологический” Де Робертиса одинаково легитимны» [12, p. 319], де факто представители нового поколения итальянской *filologia dantesca* К. Джунта и М. Гримальди отвергли предложенный Де Робертисом порядок расположения стихов, отдав предпочтение модели Барби. Да и в вопросе о том, что включать в корпус лирики, оба составителя опираются на традиционную для итальянских изданий дихотомию *organico / estravagante*, либо включая все тексты «Новой Жизни» и «Пира» (М. Гримальди), либо не включая ни одного (К. Джунта). Таким образом, единственными признанными достижениями Де Робертиса можно считать текстологическую сверку стихотворений и атрибуцию текстов неустановленного авторства: список из 26 стихотворений, которые М. Барби в 1921 г. поместил в раздел сомнительных, Де Робертис сократил до 16, 8 введя в канон, а 2 исключив из дискуссии окончательно.

Тем не менее скептическое отношение нового поколения итальянских дантоведов к издательским решениям старшего мэтра не должно вводить в заблуждение: идеологический тренд к отказу от герменевтики, столь открыто обозначенный Де Робертисом, прижился и сегодня доминирует⁹.

9 См., например, замечание К. Джунта о том, что вопрос о порядке расположения стихов Данте «на мой взгляд имеет ничтожную важность»: «в идеале следовало бы печатать тексты

Отказ от герменевтики в пользу филологического «факта» характерен для всех трех упомянутых итальянских изданий дантовской лирики в XXI в. (Д. Де Робертис, М. Гримальди, К. Джунта) и является их общим дефектом. Даже если оставить в стороне тот факт, что некоторые «филологические» критерии при ближайшем рассмотрении оказываются тропами (см. *organico / estravagante*), а отдельные принципы формирования корпуса лирики опираются на некритично воспроизводимые идеологемы (примером может служить так называемая «каноничность» боккаччиевского списка «больших канцон»), нового о Данте эти издания сообщают на удивление мало. В критическом издании Де Робертиса эта концептуальная скудость отчасти компенсируется филологической новизной (новая атрибуция текстов сомнительного авторства, текстологический анализ списков, новые редакции некоторых текстов). Что же касается К. Джунта и М. Гримальди, их комментарии к текстам Данте по большей части выглядят как энциклопедические справки широкого спектра (от анализа культурного контекста до экскурсов в историю поэтических форм), но без четко заданного ракурса. Обратная сторона подобной щедрости: отказ от намека на какой-либо синтез, от попытки представить общую картину поэтического развития Данте. Читатель не понимает, что делать с избытком этой разнородной информации, и чувствует себя погребенным под массивом интересных, но не структурированных сведений. Читать Данте, чтобы, как предлагают Джунта и Гримальди, переосмыслить предшествующую «Комедии» поэтическую традицию, по-новому взглянуть на поэтов предшествующего поколения или современников Данте, — вполне разумная идея. Однако задача любого «собрания сочинений» в первую очередь состоит все же в том, чтобы «навести фокус» на автора, представить его творчество как метатекст, части которого связаны между собой внутренней логикой, определяющей смену поэтик. Отказываясь от интерпретации, от попытки реконструировать концептуальную и идеологическую эволюцию поэта, составители обрекают себя на повторение на разные лады уже сказанного.

в алфавитном порядке, или группируя их по формальному признаку. Я не поступил так только потому, что не захотел множить виды *ordinamento* сверх необходимости: я последовал за Барби по причинам, указанным во вступлении (если коротко: удобство, понятность), но мог бы следовать и за Де Робертисом. Для меня *ordinamento* просто не является значимой проблемой» [5, р. 4–5].

Издание Т. Баролини: новаторство и критика

В 2009 г. в итальянском издательстве Rizzoli вышло комментированное издание юношеской лирики Данте “*Rime giovanili e della ‘Vita Nuova’*” («Юношеская поэзия и поэзия “Новой Жизни”»), подготовленное профессором Колумбийского университета Теодолиндой Баролини [10]. Эта небольшая бюджетная книжка в мягкой обложке не только не затерялась на фоне импозантных юбилейных собраний сочинений Данте, которые с 2011 г. начнут выходить в издательствах Mondadori и Salerno Editrice, но и вызвала бурную критическую реакцию некоторых итальянских коллег Баролини. Резкая рецензия на нее Марко Гримальди, опубликованная в журнале *Rivista di studi danteschi* [7], обозначила не только соперничество итальянской и американской школ дантоведения¹⁰, но также серьезные теоретические разногласия между Баролини и итальянскими дантоведами в вопросе о принципах издания дантовской лирики и ее роли в поэтической эволюции поэта. Не останавливаясь подробно на всех претензиях, которые выдвигает М. Гримальди в адрес «никудашного сборника *rime (una brutta raccolta delle Rime)*» [7, р. 346] (большинство из них некритически воспроизводят идеологические штампы, укоренившиеся в новейших итальянских изданиях дантовской лирики), выделим лишь один пункт. Положительно упомянув, что в 2002 г. Д. Де Робертис ввел «некоторые новшества» в принципы публикации лирики Данте, в том числе включил в ее корпус

все — но и только — тексты «Новой Жизни», для которых можно обнаружить автономные по отношению к «книжице» рукописные свидетельства, и наряду с ними канцоны «Пира», содержащиеся в восходящем к Боккаччо древнем каноне так называемых пятнадцати «больших канцон» [7, р. 346],

М. Гримальди критикует Баролини, включившую «в свое издание все “лирические” тексты Данте» [7, р. 346]. Действительно, решение ввести в корпус текстов все юношеские стихотворения Данте, авторство которых не подвергается сомнению, не выделяя стихи «Новой Жизни» в отдельную

¹⁰ Среди ее ведущих представителей, помимо Т. Баролини (Teodolinda Barolini), стоит упомянуть также Зигмунта Барански (Zygmunt G. Baranski), Теодора Качи (Theodore J. Cachey), Роберта Холландера (Robert Hollander).

рубрику, стало важнейшим шагом Т. Баролини-составителя, последствия которого трудно переоценить. По мнению исследовательницы, это позволяет полнее реконструировать эволюцию, в результате которой молодой куртуазный поэт последних десятилетий Дученто однажды станет автором «Комедии» [10, р. 5]. Решение поместить стихи прозиметра вперемешку с остальными (т. е. вернуть им статус *разрозненных*) было продиктовано желанием взглянуть на них не через призму «Новой Жизни», а как на самостоятельные литературные тексты, нуждающиеся «в свежем анализе, с использованием новейших достижений литературной критики» [10, р. 5–6]. Предшественниками Баролини на этом пути были британские дантоведы К. Фостер и П. Бойд, однако в истории итальянских изданий лирики Данте подобных прецедентов не было¹¹. Как уже неоднократно указывалось (в частности, Д. Де Робертисом, М. Марти, М. Пикони, Т. Баролини)¹², стихотворения выглядят совершенно по-разному в зависимости от того, читаются ли они как самостоятельные произведения или как составная часть «Новой Жизни». В некоторых случаях мы имеем прямые подтверждения того, что в процессе включения в книгу стихи подвергались авторской переработке, в остальных их ресемантизация поручена прозе [6]. Тем не менее «двойная временная оптика» (*doppia prospettiva temporale*) поэтических компонентов *книжицы* не была в полной мере исследована критикой, ограничивавшейся анализом лишь тех значений, которые стихи обретают в книге и которые книга преподносит как истинные [6, р. 9]. Парадоксальным следствием подобной однобокости оказалась утвердившаяся в итальянском дантоведении идея, согласно которой после включения в «Новую Жизнь» стихотворения безвозвратно теряют свой статус *rime* и не должны поэтому фигурировать в издании дантовской лирики. Несомненным достоинством комментариев Баролини является как раз акцент на двойной оптике и трансформациях, которым подвергается лирика при переносе в книгу.

11 М. Гримальди так резюмирует доминирующее мнение по данному вопросу среди итальянских дантоведов: «проблема в том, что из-за отсутствия рукописных свидетельств у нас нет ни одного доказательства того, что *все* стихотворения “книжицы” распространялись как самостоятельные тексты» [7, р. 347], поэтому «если изолированный (от “Новой Жизни”. — Е.С.) анализ стихов “книжицы” в отдельных случаях оправдан, то в других, напротив, выглядит абсолютно необоснованным» [7, р. 347]. Как и у Де Робертиса, стигматизация *rime* как самостоятельных произведений вновь обосновывается случайными обстоятельствами распространения и сохранения ранних рукописных вариантов.

12 Подробнее об этом см.: [6, р. 9–10].

Еще одно важное отличие Баролини от итальянцев — стремление не ограничиваться эклектичными комментариями к отдельным текстам, а рассказать *историю* поэтического развития Данте. Изданиям Де Робертиса, Джунта и Гримальди как раз недостает внимания к внутренней логике поэтического развития поэта. В то время как указанные составители стараются «держаться как можно дальше от любой обобщающей интерпретации стихов, которые являются, в буквальном смысле, разрозненными (*estravaganti*)» [9, р. 60], Баролини принципиально рассматривает поэтическую эволюцию Данте как единый непрерывный процесс, в рамках которого юношеская лирика флорентийского периода служит лабораторией и идеологическим источником для многих позднейших идей *poeta sacro* [10, р. 5]. Эта позиция также провоцирует полемическую реакцию М. Гримальди: «с точки зрения методологии ошибочно рассматривать лирику как просто какие-то “источники”, — возражает он, — лирика это лирика. Точка» [5, р. 349]. Свое утверждение автор подкрепляет следующим аргументом: «Анализировать “Комедию” изолированно — не абстрактная критическая операция: Данте прекрасно осознавал исключительность поэмы и, скорее всего, забросил все остальные проекты, чтобы заняться работой над кантиками. Изучать “Комедию” как автономный текст означает уважать, а не предать волю Данте» [7, р. 349]. Однако используемая М. Гримальди апелляция к предполагаемой «воле Данте» (по сути, ничем не подкрепленный риторический прием) противоречит тому, что мы знаем (в частности, благодаря работам Т. Баролини и Д. Де Робертиса) о «сквозных» темах, пронизывающих творчество Данте, а также об изобретенном им методе «рециклинга» и идеологической переработки более ранних текстов. «Одна из ключевых характеристик искусства Данте, — пишет по этому поводу Баролини, — убежденность в том, что от прошлого никогда не следует отказываться, наоборот, его нужно восстанавливать, пересоздавать, реинтерпретировать и переделывать» [10, р. 85]. Выявляя в юношеской лирике Данте целый ряд важных сквозных тем, к которым поэт будет возвращаться на протяжении всей жизни (дружба, пророческие видения и сновидения, природа желания, память, социальные конвенции и их трансгрессия, непостоянство любовного чувства, идея триединства), Баролини демонстрирует, до какой степени Данте уже в ранних текстах предвосхищает себя зрелого, а его юношеские стихи являются этапами

пути, который однажды приведет к «Комедии». Но одновременно она показывает и то, насколько противоречивой была траектория развития раннего Данте, «которая не поддается спрямлению, и которая лишь после энергичного ревизионистского перетолкования могла показаться линейной»¹³ [10, р. 12]:

лирика является полезным напоминанием о диалектическом ходе его поэтической эволюции и предоставляет читателю возможность проследить отклонения и сбои в его развитии, и убедиться в том, насколько не предугаданным заранее был его путь [10, р. 12].

О непредустановленности эволюции Данте нагляднее всего свидетельствуют комментарии Баролини к стихам, созданным под влиянием поэтики Гвидо Кавальканти (*testi di impronta cavalcantiana*). Важнейшая роль, которую непростые отношения с Г. Кавальканти¹⁴ играли в творчестве Данте, является одной из самых обсуждаемых тем в дантоведении. Интерес к ней обусловлен относительно недавней констатацией того, что многочисленные упоминания Кавальканти в тексте посвященной ему «Новой Жизни» являются «неразрешимо двусмысленными» [8, р. 352], тогда как еще Дж. Контини полагал, что данное сочинение создавалось в условиях полной поэтической и интеллектуальной гармонии поэта с *primo amico*. Абсолютно новаторской можно назвать идею Баролини о том, что кавалькантианская секция «Новой Жизни» охватывает не только гл. XIV–XVI (так называемый «цикл насмешки»), как считалось ранее, а начинается уже в гл. IX (сонет *Cavalcando l'altr'ier per un cammino*) и продолжается в гл. XII (баллата *Ballata, i'voi che tu ritrovi Amore*), в текстах, «первые слова которых уже выдают присутствие Кавальканти» [10, р. 216]. А именно: начальные слова обоих стихотворений — “Cavalcando” и “Ballata” — содержат, по мнению исследовательницы, отсылки к *primo amico*, в первом случае к его имени (“Cavalcando”, отмечает она, представляет собой гапакс в лирике

¹³ Схожие оценки юношеской лирики Данте находим в посвященной поэту главе «Истории литературы Италии», написанной М.Л. Андреевым [1, с. 314–316]. Подобное единство мнений, к которому оба исследователя пришли независимо друг от друга, кажется весьма знаменательным.

¹⁴ См. об этом, например: [2, с. 102–106].

Данте), во втором — к любимому жанру Гвидо, баллате [10, р. 216]¹⁵. Свой тезис Баролини подкрепляет серией других аргументов (кавалькантианская образность в изображении Амора и характерная для Гвидо тема посредников в *Cavalcando l'altr'ier*, присутствие типичных для него лексем в прозе, подготавливающей *Ballata, i'voi*), акцентируя роль, которую «идеология Кавальканти» играет в осуществляемой Данте в первой половине «Новой Жизни» программе по развенчанию традиционных куртуазных ценностей, воплощением которых служит мотив симуляции любви (*simulato amor*) [10, р. 219]:

Кавалькантианский прием населять свою поэзию существами, безобидными сами по себе, посредническое присутствие которых усиливает трагическую непостижимость настоящего объекта желания (речь о *nuovo piacere* или «дамах-ширмах» сонета *Cavalcando l'altr'ier*. — Е.С.), оказывается частью ложного пути <...> [10, р. 219].

Но присутствие Гвидо в лирике молодого Данте не ограничивается «Новой Жизнью», и именно здесь в полной мере можно оценить преимущества порядка расположения стихов, предложенного исследовательницей. Располагая бок о бок тексты, в которых обнаруживается влияние Гвидо (как разрозненные стихи, так и вошедшие в «Новую Жизнь»)¹⁶, Баролини позволяет по-новому взглянуть на не включенные в прозиметр канцоны *Lo doloroso amor che mi conduce* и *E'm'incresce di me sì duramente*. Анализируя эти тексты на фоне лирики «Новой Жизни», она приходит к заключению, что мы, по-видимому, имеем дело с набросками для несостоявшейся «кавалькантианской» версии прозиметра.

15 М. Гримальди усматривает в этом «недобросовестное использование <...> лексических параллелей» [7, р. 351], хотя со стороны исследовательницы речь идет скорее о внимательном и серьезном отношении к текстам Данте.

16 Вот список этих текстов в порядке, в котором они опубликованы у Баролини (№ 19–32 оглавления): *Guido, i'vorrei che tu e Lapo ed io, Amore e monna Lagia e Guido ed io, Per una ghirlandetta, Deh, Violetta, che 'n ombra d'Amore, Cavalcando l'altr'ier per un cammino* (VN IX (4)), *Ballata l'voi che tu ritrovi amore* (VN XII (5)), *Tutti li miei penser parlan d'amore* (VN XIII (6)), *Con l'altre donne mia vista gabbate* (prima redazione), *Ciò che m'incontra, nella mente more* (prima redazione), *Spesse fiate vegnommi a la mente* (VN XVI (9)), *Degli occhi della mia donna si muove, Ne le man vostre, gentil donna mia, Lo doloroso amor che mi conduce, E'm'incresce di me sì duramente*. Для текстов, вошедших в «Новую Жизнь», в скобках указаны отсылки к главам.

Как известно, *Lo doloroso amor* не фигурирует в канонизированном Боккаччо перечне пятнадцати «больших канцон». По этой причине Д. Де Робертис в своем критическом издании *rime* поместил ее шестнадцатой по счету, несмотря на очевидные признаки принадлежности текста к ранним произведениям Данте. Таким образом, канцона, которая хронологически предшествовала и канцонам «каменного цикла»¹⁷, и знаменитой «горной» канцоне (*la Montanina*)¹⁸, в его издании располагается после них, что дезориентирует читателя и искажает картину поэтической эволюции автора. Баролини не только возвращает канцоне место среди юношеских текстов Данте, но и помещает ее непосредственно перед другой не вошедшей в «Новую Жизнь» юношеской канцонной — *E'm'incresce di me sì duramente*. Обе, по мнению Баролини, характеризуются сочетанием «кавалькантианской матрицы» с элементами новой «теологии любви» и даже (в случае *E'm'incresce di me*) со «стильновистскими» элементами. Как объясняет Баролини, важность этих канцон обусловлена характером их отношений с «Новой Жизнью», из которой они были исключены и возникновение которой помогают понять. Эти тексты, по ее мнению, являются доказательством того, что на раннем этапе работы над прозиметром Данте рассматривал возможность «кавалькантианского» сценария (любовь как смертоносное, деструктивное чувство), от которого затем отказался:

С учетом типичных для «Новой Жизни» элементов, которые обнаруживаются в *E'm'incresce di me*, эти канцоны подсказывают прочтение, опирающееся на идею экспериментального и впоследствии заброшенного поэтического пути [10, p. 269].

Добавим, что в *Lo doloroso amor* и *E'm'incresce di me* Баролини обнаруживает данные, свидетельствующие о поэтапном выстраивании поэтом образа Беатриче [10, p. 291], что, безусловно, добавляет важный контраргумент в дискуссию о «биографичности» *книжицы*.

Благодаря Баролини «кавалькантианская матрица» юношеской лирики Данте впервые оказалась представлена столь развернуто и в то же время концентрированно. В значительной степени это заслуга ново-

¹⁷ Созданы после 1296 г.

¹⁸ Создана в годы изгнания, ок. 1307 г.

го *ordinamento*, позволяющего проанализировать поэтическую эволюцию Данте-лирика во всей ее полноте, без лакун и искусственного разделения на *разрозненные стихи и поэзию «Новой жизни»*. Составительница не только не испугалась рисков, связанных с интерпретацией, но на деле доказала, что тщательный анализ текстов, внимание к их стилевым и риторическим характеристикам может дать исследователю едва ли не больше «фактов», чем филологический материализм.

* * *

Юбилейные издания дантовской лирики в Италии оставляют двойственное впечатление. Если в отдельных вопросах итальянское дантоведение со времен М. Барби сделало важный шаг вперед (здесь в первую очередь следует отметить заслуги Д. Де Робертиса в уточнении списка *dubia*, а также обнаруженные им подтверждения того, что некоторые юношеские тексты, в момент включения в «Новую Жизнь», подверглись авторской переделке), в плане концептуального осмысления лирики оно в последнее время топчется на месте. Более того, под влиянием Де Робертиса итальянская *filologia dantesca* значительно удалилась от принципов Барби: доведенное в его издании до своей крайней точки позитивистское недоверие к любой форме интерпретации, не опирающейся на «материальные» факты, продолжает доминировать в новейших итальянских изданиях лирики Данте.

На фоне выраженного позитивистского крена и ошутимого филологического догматизма итальянцев бросается в глаза экспериментальный и новаторский характер подхода к *rime* американки Теодолинды Баролини. В «Юношеской поэзии и поэзии “Новой Жизни”» Баролини не только предложила идущее вразрез с принятым в итальянском дантоведении определение того, что должен включать в себя корпус лирики Данте. Пересмотр канона *rime* она сопровождала оригинальной трактовкой поэтической эволюции Данте в 1283–1293 гг. и места в ней Г. Кавальканти. Учитывая особую роль, которую Данте играет в формировании итальянской национальной идентичности, выбор в качестве редактора-составителя комментированного издания дантовской лирики иностранки, представительницы чужой для большинства итальянских дантоведов интеллектуальной и университетской традиции, был практически обречен на то, чтобы спровоцировать полемику. В ходе этой полемики обнаружилось, что границы между фило-

логией и герменевтикой на самом деле гораздо более проницаемые, чем это принято считать: за результат беспристрастного академического знания и строгих филологических критериев нередко выдаются решения, одновременно маскирующие страх перед герменевтикой — и являющиеся результатом плохой герменевтики.

Из всех издателей лирики Данте в XXI в. именно Баролини удалось сообщить нам о поэте что-то действительно новое, наметить направления будущих исследований и вернуть интеллектуализм и дух эксперимента в издательскую практику *rime*, которая, казалось, была обречена на повторение общих мест и дискуссии о предпочтительности того или иного рукописного варианта. В этом Баролини является настоящей последовательницей выдающихся издателей дантовской лирики в XX в., и в первую очередь М. Барби. Издание Баролини — необходимое подспорье всем, кто хочет читать Данте осознанно, с пониманием внутренних взаимосвязей между текстами, поисков и экспериментов, точек бифуркации и совершаемых поэтом открытий.

Список литературы

Исследования

- 1 Андреев М.Л. Данте // История литературы Италии. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. Т. 1: Средние века / под ред. М.Л. Андреева, Р.И. Хлодовского. С. 307–366.
- 2 Топорова А.В. Ранняя итальянская лирика. М.: Наследие, 2001. 200 с.
- 3 Barolini T. Critical philology and Dante's Rime // Philology. 2015. Vol. 1, № 1. P. 91–114.
- 4 Barolini T. Editing Dante's Rime and Italian Cultural History: Dante, Boccaccio, Petrarca ... Barbi, Contini, Foster-Boyde, De Robertis // Barolini T. Dante and the Origins of Italian Literary Culture. New York: Fordham University Press, 2006. P. 245–272.
- 5 Giunta C. Un nuovo commento alle "Rime" di Dante // Paragone Letteratura. 2009. № 81–82–83. P. 3–26.
- 6 Gragnolati M. Trasformazioni e assenze: la *performance* della Vita Nova e le figure di Dante e Cavalcanti // L'Alighieri. 2010. Vol. 35. P. 5–23.
- 7 Grimaldi M. Una specie di genere. A proposito di una nuova edizione commentata delle Rime di Dante // Rivista di studi danteschi. 2009. Anno IX. P. 344–369.
- 8 Rea R. La Vita Nuova e le Rime. *Unus philosophus alter poeta*. Un'ipotesi per Cavalcanti e Dante // Dante. Fra il settecentocinquantesimo della nascita (2015) e il settecentenario della morte (2021) / a cura di E. Malato e A. Mazzucchi. Roma: Salerno Editrice, 2016. Т. II. P. 351–381.

Источники

- 9 *Dante Alighieri*. Rime / a cura della Società Dantesca Italiana, a cura di D. De Robertis. Firenze: Le Lettere, 2002. 3 vols.
- 10 *Dante Alighieri*. Rime giovanili e della "Vita Nuova" / cura, saggio introduttivo e introduzioni alle singole rime di Teodolinda Barolini, note di Manuele Gragnolati. Milano: Rizzoli, 2009. 543 p.
- 11 *Dante Alighieri*. Rime, Vita Nova, De vulgari eloquentia / a cura di C. Giunta, G. Gorni, M. Tavoni. Milano: Mondadori, 2011. 1686 p.
- 12 *Dante Alighieri*. Vita Nuova. Rime / a cura di D. Pirovano e M. Grimaldi. Roma: Salerno editrice, 2015. LXXIV–806 p.

References

- 1 Andreev, M.L. *Dante. Istoriia literatury Italii* [*Dante. The History of Italian Literature*], vol. 1: Srednie veka [The Middle Ages], ed. by M.L. Andreev, R.I. Khlodovskii. Moscow, IWL RAS, Nasledie Publ., 2000, pp. 307–366. (In Russ.)
- 2 Toporova, A.V. *Ranniaia ital'ianskaia lirika* [*Early Italian Poetry*]. Moscow, Nasledie Publ., 2001. 200 p. (In Russ.)
- 3 Barolini, Teodolinda. “Critical philology and Dante’s Rime.” *Philology*, vol. 1, no. 1, 2015, pp. 91–114. (In English)
- 4 Barolini, Teodolinda. *Dante and the Origins of Italian Literary Culture*. New York, Fordham University Press, 2006. 496 p. (In English)
- 5 Giunta, Claudio. “Un nuovo commento alle ‘Rime’ di Dante.” *Paragone Letteratura*, no. 81–82–83, 2009, pp. 3–26. (In Italian)
- 6 Gragnolati, Manuele. “Trasformazioni e assenze: la *performance* della *Vita Nova* e le figure di Dante e Cavalcanti.” *L’Alighieri*, vol. 35, 2010, pp. 5–23. (In Italian)
- 7 Grimaldi, Marco. “Una specie di genere. A proposito di una nuova edizione commentata delle Rime di Dante.” *Rivista di studi danteschi*, Anno IX, 2009, pp. 344–369. (In Italian)
- 8 Rea, Roberto. “La *Vita Nuova* e le Rime. *Unus philosophus alter poeta*. Un’ipotesi per Cavalcanti e Dante.” *Dante. Fra il settecentocinquantesimo della nascita (2015) e il settecentenario della morte (2021)*, a cura di E. Malato e A. Mazzucchi, t. II. Roma, Salerno Editrice, 2016, pp. 351–381. (In Italian)